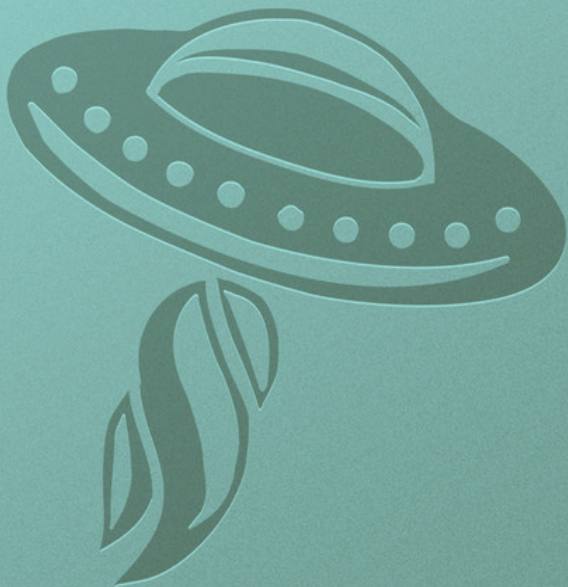

Андрей Ливадный

Владыка ночи

Андрей Львович Ливадный
Владыка ночи
Серия «Форма жизни», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121357

Форма жизни: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-09370-2

Аннотация

Кто они – древние селениты – миф или реальность? Откуда на орбите земли появилась луна? Что означает древнее слово «Атлантида» на языке обитателей Селена? Ответ на эти вопросы дает повесть «Владыка Ночи».

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Ливадный

Владыка Ночи

Пролог

Огромный, слегка ущербный диск ночного светила висел низко над горизонтом, заливая дно кратера призрачно-голубоватым светом.

Вокруг царил лютый холод, белесые разводы инея покрывали острые обломки скал, иногда в разреженной атмосфере слышались приглушенные хлопки или треск – это лопались камни, рассыпаясь в мелкий щебень под воздействием стремительно понижающейся температуры.

Мир, освещенный призрачным сиянием Владыки Ночи, выглядел мертвым, точнее – вымершим, ибо среди безжизненных пространств взгляд внимательного наблюдателя все еще мог отыскать истертые временем признаки процветавшей тут некогда цивилизации: на склонах кольцевых гор виднелись участки древней дороги. Сбегая вниз, она постепенно терялась в толще реголита, устилавшего дно кратера, но, отмечая ее прежний путь, из-под измельченного гравия к фиолетовым небесам вздымались редкие, иззубренные руины многоэтажных зданий, подле которых виднелись почерневшие обломки стволов погибших сотни лет назад дере-

вьев...

Ночь, царствующая над Селеном, была похожа на дурную сказку или кошмарный сон, но для обитателей планетоида, постепенно теряющего свою атмосферу, окрестный пейзаж казался обыденностью. Никто уже не помнил ни бывшего величия цивилизации, ни первопричин катастрофы, превратившей цветущий мир в безжизненную пустыню, и оттого затянувшийся природный катаклизм воспринимался как данность, в которой рождались, жили и умирали целые поколения...

У подножия гор, там, где древняя дорога выходила на обширный, плоский уступ, на фоне темного монолита скал, контрастно выделялись огромные, подсвеченные изнутри проемы, за которыми, сквозь помутневший от времени материал толстых герметичных стекол, виднелись многочисленные постройки, заключенные в искусственно созданной полости полусферической пещеры.

Каменный фасад города, врезанный в отвесные скалы, протянулся на несколько километров и был разделен на два равных отрезка величавым строением, имеющим плавные обтекаемые формы. В центре его четко просматривались плотно сомкнутые шлюзовые ворота.

Издали все города современного Селена выглядели одинаково, будто в незапамятные времена их возводил один и тот же строитель: фасады неизменно насчитывали строго определенное количество проемов, а плоскость мощного ба-

зальтового выступа, нависающего над овальными окнами и шлюзовыми воротами, до сих пор хранила четкую разметку, состоящую из окружностей и прямых линий.

Все это бросалось в глаза, оставляя индивидуальные особенности поселений неразличимыми на фоне непоколебимой основательности основных архитектурных решений. Покрытые шрамами метеоритных ударов неохватные колонны, подпирающие каменный козырек, казались вечными, незыблемыми, неподвластными ни неумолимому бегу времени, ни природным катаклизмам, ни суетной деятельности людей.

Индивидуальные особенности городов-убежищ, выраженные во внутренней планировке, становились доступны взгляду наблюдателя, только если он вплотную приближался к одному из проемов. Мутный материал многослойного стекла, обрамленного черным кантом пневмоуплотнителя, хранил следы многочисленных ударов метеорных частиц, иногда по нему змеилась паутина трещин, тщательно покрытая похожим на вспенившуюся резину герметизирующим составом, а изнутри пробивался неяркий, равномерно распределенный свет, исходящий от куполообразного свода пещеры.

В призрачном, холодном сиянии, как правило, выделялся комплекс многоэтажных зданий, расположенный в центре пещеры. В зависимости от населенности города и его социальной структуры, эти постройки претерпевали серьез-

ные изменения: их окружали более поздние архитектурные творения в виде кольцевых стен, мощных башен или иных укреплений, превращающих центральные части городов в своеобразные цитадели. Неизменным во всех поселениях оставался лишь циклопический цилиндр, исполненный из монолитного, гладко отшлифованного материала, непохожего на коренные горные породы, слагающие стены и купол пещеры. Диаметр цилиндрического строения составлял сотни метров, книзу оно расширялось, демонстрируя структуру, схожую с корневой системой вековых деревьев.

Судя по легкому мареву змеящегося воздуха и клубам водяных паров, периодически вырывающихся из зарешеченных отверстий у основания строго симметричной «корневой системы», это был не просто исполинский стержень теплообменника, согревающий внутреннюю атмосферу города. Очевидно, под основанием цилиндрической конструкции располагались невидимые глазу комплексы, насыщающие внутреннюю полость пещеры кислородом и поддерживающие необходимый для жизни уровень влажности.

Стоило мысленно выйти за пределы каменного свода, как становилось понятно, какой род энергии используют теплообменники городов-убежищ. Там, где вершина цилиндрического строения упиралась в свод пещеры, снаружи была высечена наклонная плоскость, обращенная к близкому горизонту под строго определенным углом. В ее центре располагался огромный, гладко ошлифованный, прозрачный, как

следа, кристалл кварца, в дневные часы фокусирующий лучистую энергию звезды и направляющий ее сквозь столб теплообменника к подземным уровням города, где, скрытые от посторонних глаз, выполняли свою работу оставшиеся с незапамятных времен устройства жизнеобеспечения.

В остальном внутренняя архитектура большинства городов обладала чертами индивидуальности. Помимо неизменных высотных зданий, кольцом обступающих теплообменник, на просторах искусственно созданных пещер просматривалась былая планировка некогда существовавших кварталов, которые первоначально подчинялись симметрии концентрических окружностей. Но время безжалостно стерло их, оставив лишь небольшие, хаотично разбросанные обитаемые островки, напоминающие поселки, лежащие вне стен монументальных укреплений.

На возведение стен и башен, защищающих сердце каждого города, требовался строительный материал, поэтому на протяжении веков старые, пустующие кварталы постепенно разбирались, а на их месте образовывались асимметричные пустоши. Новые дороги, проторенные по мере необходимости, связывали немногочисленные уцелевшие постройки со входом в цитадель и единственными шлюзовыми воротами, ведущими на неприветливые просторы внешнего мира.

Изредка среди заваленных строительным мусором пустошей, одиноких зданий и еще не разобранных руин виднелись лоскутки возделанной земли, где росли невысокие деревья с

бледно-зеленой листвой или виднелись ровные высадки травянистых растений.

Картину современных поселений Селена завершал еще один немаловажный штрих: во многих городах часть древних панорамных окон была выбита, и чтобы восстановить герметичность пещеры, проемы, как правило, заполняли кладкой. Кроме этого, по краю козырька, защищающего фасад города, высились укрепления, сложенные из угловатых обломков твердых горных пород. Стены пересекали древнюю разметку взлетно— посадочных полос, что явно свидетельствовало об утрате технических знаний и какой-то непреходящей угрозе, таящейся среди безжизненных, непригодных для свободного поселения кратеров.

Станный, неуютный, полный загадок и немых свидетельств былого величия мир, где доживали свой век последние цивилизации, разбросанные по изолированным, постепенно угасающим островкам забившейся в глубины пещер жизни... — таким представал Селен глазам стороннего наблюдателя.

Фатальный исход затянувшегося на века катаклизма, казалось, предрешен, и злонравной судьбе осталось отыграть лишь финальный аккорд тысячелетней драмы... Однако там, где все еще обитают живые разумные существа, никогда нельзя говорить о полной предопределенности событий. Цивилизация действительно угасала, на мертвых просторах покрытого кратерами планетоида давно и прочно властвова-

ла иная жизнь, совершенно непохожая на биологическую, но в замкнутых изолированных городах все еще вскипали страстные порывы чувств, шла борьба не только за выживание, но и за власть, и очередной всплеск кажущейся агонии мог в корне изменить ситуацию, породить последнюю вспышку неистовых стремлений, когда история вдруг обращается вспять и фатализм перестает быть доминантой будней, отброшенный прочь древними, как сам мир, чувствами...

Глава 1

Им было по семнадцать лет.

В этом возрасте еще не так остро чувствуются социальные различия, над душами не властвуют комплексы, присущие старшему поколению, – им было хорошо вдвоем, и это казалось достаточным поводом для встреч.

...Юна перевернулась на живот, и Аргел провел кончиками пальцев вдоль изгибов ее обнаженного тела.

На левой ягодице девушки тускло поблескивало маленькое пятнышко, и юноша, погладив его, спросил:

– Что это?

Она повернула голову.

– Не знаю. Родимое пятно.

Аргел заглянул в ее глаза, и волна дрожи медленно поползла вдоль позвоночника. Их пальцы сплелись, но Юнона, коснувшись губами его щеки, прошептала:

– Мне пора идти, Аргел. Отец будет беспокоиться.

Юноша вздохнул, нехотя выпуская ее из объятий.

– Скоро все изменится, да? – спросил он.

– Почему ты так решил? – Юнона встала, и в тусклом свете, проникающем через мутное стекло оконного проема, ее фигура на миг показалась Аргелу отлитой из темной бронзы.

– Герон – главный инженер города. Он стар и обучает тебя для обряда преемственности, верно?

– Нет. – Юна, одеваясь, покачала головой. – Ты же знаешь, женщина не может стать наследницей знания.

– Тогда зачем он заставляет тебя учиться?

Она пожала плечами.

– Мне самой нравится читать. – Юнона наклонилась и нежно поцеловала его. – Книги доставляют мне не меньшее удовольствие, чем любовь. Только оно иное...

– Ты придешь завтра?

– Конечно.

Она на секунду задержалась на пороге небольшой комнаты, глядя на Аргела, лежащего в расслабленной задумчивости.

«Он свободнее и счастливее, чем я...» – внезапно подумалось девушке.

Юна ошибалась. Ошибалась во всем, кроме чувства любви. Оно не подчинялось рассудку, не управлялось логикой, не было подвластно кастовому делению городского социума, но девушке, как и Аргелу, еще предстояло понять жестокую истину: ничто не может продолжаться вечно...

* * *

Нирон О'Релли, правитель Регула, стоял подле узкого, похожего на бойницу окна, и смотрел вниз на площадь, где выстраивались отряды воинов.

Он в точности знал, что произойдет спустя несколько ми-

нут, какой приказ он отдаст им, однако в сердце Нирона не было места для колебаний или сострадания. О'Релли, несмотря на молодость, давно утратил иллюзорность мышления. Мир Селена был жесток, и логику принятия многих решений тут диктовал суровый закон выживания и элементарная арифметика, основанная на ежедневном, а порой и ежечасном подсчете ресурсов, необходимых для поддержания замкнутых циклов жизнеобеспечения города.

Ни в душе, ни в мыслях О'Релли не было даже намека на осознание жестокости принимаемых решений. Там, где жизнь постоянно граничит со смертью, многие понятия становятся лишь условностью, словами древнего языка, утратившими свой изначальный смысл.

Он действовал целеустремленно и рационально, как научила его реальность, рано познакомившая Нирона с тонкой гранью, отделяющей жизнь от смерти, ненависть от любви, а сострадание от формы массового самоубийства.

Корабль торговцев ждал в условленном месте. Регул остро нуждался в воздушном камне, а в реголитные копи далекого Кол Адра постоянно требовались рабы для добычи драгоценного минерала.

Заметив, что отряды закончили построение, О'Релли, не оборачиваясь, произнес:

– Начинай, Квердум. Прочешите все руины, потом кварталы бедноты. Мне нужно, как минимум, двести человек. Ты знаешь, кого следует отбирать в первую очередь.

— Да, господин.

* * *

Юнона и Аргеландер встречались в одном из старых пустующих домов. Юноша отлично знал городские руины, а девушке, которая до знакомства с Аргелом редко покидала цитадель, эти свидания приносили не только наслаждение любви, но и неповторимое, неведомое ранее чувство новизны, внутренней независимости от постоянной опеки отца и замкнутого, отшельнического образа жизни, который ей приходилось вести в цитадели...

Все началось внезапно, необъяснимо... Они с Аргелом встречались уже почти полгода, а Юнона до сих пор не могла забыть их первую встречу.

Юнона не знала причин, по которым отец запрещал ей просто так бродить по городу, но, однажды нарушив его строгий запрет, она уже не смогла остановиться, разум будто изменил ей, и сейчас дочь хранителя Солнечного Камня стремительно превращалась из девушки-подростка в юную женщину, не замечая пугающей скорости происходящих с ней перемен.

...Они случайно встретились на улице четыре цикла назад. Дочь главного инженера города Регул и обыкновенный подросток из квартала бедноты. Наверное, причиной внезапно вспыхнувшего чувства был возраст: оба уже достигли фи-

зической зрелости, и потребность в любви клокотала в юных телах и душах, порождая смутную, но неодолимую тягу к существам противоположного пола.

Аргел поразил Юнону своей непринужденностью, ну а он в свою очередь был так потрясен красотой незнакомой девушки, что в момент неожиданной встречи попросту не смог отвести от нее глаз, и все вышло естественно, само по себе, — они остановились, глядя друг на друга, не замечая редких прохожих, а потом Аргеландер подошел к ней и спросил:

— Как тебя зовут?

— Юна... — ответила она, не понимая, почему у нее дрожит и срывается голос, а от короткой фразы вдруг пересохло во рту, будто она неделю ничего не пила.

— Я не встречал тебя раньше... — Аргел по-прежнему не отрывал глаз от лица Юноны, и она, наконец, смутилась, потупила взгляд.

— Я редко выхожу на улицу, — прошептала она. — Отец не любит, когда я гуляю одна.

— Значит, ты из цитадели? — Юноша кивнул в сторону комплекса высотных зданий, царящих над полуразрушенными городскими кварталами.

— Я дочь Герона.

— Главного инженера? — Он вздохнул, но тут же бесстрашно поднял взгляд. — Ты очень красивая.

Ее щеки вспыхнули. Юна физически ощутила жар румянца, внезапно проступившего на бледной, шелковистой коже

лица.

– Мне надо идти... – произнесла она.

– Постой. Может быть, мы встретимся снова?

– Я... Я не знаю...

– Меня зовут Аргел. – Он продолжал восхищенно смотреть на нее, взгляд Аргеландера казался обжигающим, от него кружилась голова девушки, и что-то сладко замирало внутри.

Юнона, большую часть своего времени проводившая за книгами, не имела опыта общения с другими людьми, – они с отцом жили замкнуто, и это казалось нормой... но, несмотря на замешательство, она вдруг ответила, чувствуя, что совершает безумство:

– Я приду. Может быть, завтра, ладно?

– Я буду ждать.

Так произошла их первая встреча, а потом для юноши и девушки наступил сладкий головокружительный отрезок упоительного счастья, где перестали играть роль привычные временные циклы, – теперь они измеряли жизнь промежутками от встречи до встречи, все глубже погружаясь в бездонный омут первой, чистой любви.

Счастье казалось безграничным, нескончаемым, а мир с его реалиями – далеким, ненужным и призрачным.

Надпись на дверях гласила: Сектор гидропоники.

Юнона хорошо знала древнюю письменность, отец научил ее не только бегло читать на языке Селена, но, вдобавок, заставил выучить странный, лишь отдаленно похожий на настоящую письменность мертвый язык сервов, на котором невозможно общаться; его, по словам Герона, следовало просто запомнить.

Для чего – Юнона не понимала, но спорить с отцом было бесполезно, и она покорно выучила все, что предлагали ее вниманию нетленные пластбумажные страницы старых книг из многотомной домашней библиотеки.

Откуда отец брал древние издания, оставалось загадкой, скорее всего, он добыл их в пору своей юности. В городе относительно личности Герона циркулировало множество слухов, но, в основном, они являлись досужими домыслами, и дочери главного инженера не пристало прислушиваться к ним.

Хотя некоторую информацию она все же почерпнула из тех разговоров, что приходилось слышать на улице. Ее мать вроде бы погибла от рук измененных, а сам Герон чудом избежал жестокой смерти, успев спасти малолетнюю дочь.

Отец никогда не говорил с нею о прошлом. Она не помнила матери, лишь знала, что родилась не тут, а в другом го-

роде – Аулии, который некогда являлся столицей сектора, а теперь лежал в руинах после многочисленных атак измененных.

* * *

За спиной Нирона открылась дверь, и холодный каменный пол отчетливо передал гулкую вибрацию шагов.

– Это ты, Герон? – не оборачиваясь, спросил О'Релли, понимая, что лишь хранитель Солнечного Камня может войти к нему без предварительного доклада.

– Да, правитель.

Лицо Нирона исказила мгновенная гримаса неудовольствия. Он не любил Кая Герона за его независимость и резкость суждений, но ставленника могучего Кол Адра приходилось терпеть.

Десять лет¹... – Невольно подумал О'Релли, глядя на экипировку выстраивающихся ровными шеренгами воинов. Серый, удивительно легкий и прочный металл брони, плавная, лишенная вычурности эстетика форм, герметичные шлемы с прозрачными ударостойкими забралами, – все это превращало фигуры обычных солдат в некий символ, постоянно напоминающий о существовании могучего союза городов-го-

¹ Суточный цикл Нового Селена составляет 29 стандартных земных суток. В дальнейшем термин «цикл» будет заменен на термины месяц, год и день, для удобства восприятия текста.

сударств, объединившего под своей властью необозримые пространства Селена...

– Что ты собираешься предпринять, О'Релли? – раздался за спиной правителя глухой, хрипловатый голос Герона. – Зачем выстраиваются отряды шлюзовой стражи? Разве наблюдатели заметили измененных? Или, быть может, дикие сервы забрели в кратер?

Нирон, наконец, обернулся. В противоположность Герону, правитель Регула был высок, строен, его лицо несло отпечаток властности, в то время как перед ним стоял пожилой, низкорослый, полноватый человек, чьи черты, отмеченные первыми признаками старости, трудно было назвать привлекательными.

– Закат уже минул, а транспортный корабль торговцев не пришел, – произнес О'Релли. – Впереди долгая ночь, и наших запасов едва ли хватит, чтобы продержаться весь суточный цикл. Ты знаешь это не хуже меня, хранитель.

Кай Герон возмущенно посмотрел на правителя, но с таким же успехом он мог бы разглядывать холодный камень стен. Ни один мускул не дрогнул на бледном лице О'Релли, когда в наступившей тишине прозвучала его следующая фраза:

– Корабль торговцев должен был принять на борт двести человек, выделенных мной для работ в реголитных копиях. Они уже исключены из расчетов суточного цикла, и поэтому отправятся в сторону Аулии пешим порядком. Возмож-

но, транспорт задержался по техническим причинам и подберет их в дороге.

– Корабли торговцев не летают по ночам, – хмуро напомнил ему Герон. – Я пришел, чтобы получить согласие на перерасчет ресурсов. У нас есть резервы...

– Неприкосновенные резервы, – безжалостно уточнил Нирон, оборвав на полуслове фразу хранителя. – Ты можешь гарантировать, что следующий транспорт придет вовремя?

– Нет, не могу, – ответил Герон. – Но я не вижу веского повода для принятия крайних мер.

– Мне безразлично, что ты думаешь по поводу моих решений, – неприязненно произнес О'Релли. – У каждого из нас свое бремя, и я не указываю тебе, как следует распоряжаться энергией дневного светила. Так что будь добр, не вмешивайся в мои действия.

– Ты собираешься выгнать людей за стены города. Это верная смерть для них.

– Не преувеличивай. – О'Релли отошел от окна, пренебрежительно взмахнув рукой. Остановившись подле массивного стола, искусно вырезанного из глыбы вулканической породы, он исподлобья взглянул на Герона и произнес:

– Мне кажется, ты начал забывать те времена, когда в кратерах безраздельно хозяйничали орды измененных, и каждый центнер воздушного камня приходилось добывать с боем. Люди в ту пору проводили вне городских убежищ по несколько циклов и оставались живы...

– Те времена прошли, Нирон. Зачем подвергать опасности жизни двухсот человек? Им и без того придется несладко на реголитных копиях.

– Зато они станут приносить хоть какую-то пользу и научатся дорожить тем воздухом, который бездумно и бесплатно вдыхают сейчас. – В словах О'Релли прозвучал гнев и презрение. – Ты напоминаешь мне глупого горожанина, который ослеп, посмотрев на дневное светило. Разве ты не замечаешь, что в нашем городе скопилось слишком много бездельников? Они лишь поглощают воздух, расходуют драгоценные ресурсы, не давая взамен ничего, кроме постоянной угрозы бунта. Это чернь, Герон, опасная и бесполезная.

– Это живые люди!

– Столь же полезные, как канализационные грызуны, которых мы безжалостно травим.

– О'Релли, ты забываешь, кто сделал тебя правителем Регула! – гневно произнес Герон.

Нирон обернулся, уничтожающе посмотрев на хранителя, щеки которого побагровели от вырвавшихся эмоций.

– Закон Кол Адра гласит, что человеческая жизнь священна, и тот, кто посягает на нее, будет проклят! – хрипло произнес Кай.

– Не сотрясай воздух, Герон. Я не отрицаю власти Кол Адра и той спасительной роли, которую сыграли корабли Союза в нашей борьбе с измененными, но я знавал худшие времена и еще не забыл, что реальность Селена признает лишь один

закон, в котором сосредоточен опыт выживания сотен поколений. Каждый, кто вдыхает драгоценный воздух, осязает живительное тепло, должен работать на благо остальных. Если я буду потакать черни, которая лишь жрет и плодится, Регул вскоре будет перенаселен и тогда от катастрофы нас уже не спасут ни транспорты вольных торговцев, ни боевые корабли Кол Адра, ни собственные попытки очистить город от бремени бесполезных обитателей. – О'Релли бросил мимолетный взгляд за окно и добавил: – Наш разговор окончен, хранитель. Воины уже выстроились, и ты не можешь дальше отнимать мое время.

– Я доложу о твоей неразумной жестокости, О'Релли! – гневно ответил Кай Герон. – Ты ведь прекрасно знаешь, что эти люди никогда не покидали город, они погибли только потому, что не знают, как себя вести на смертоносных просторах Селена!..

– Что ж, хранитель, действуй, – усмехнулся О'Релли. – Только не думай, что испугал меня своими угрозами. Города Союза далеко, а их боевые корабли пришли лишь однажды и более не появлялись вот уже десять лет. Мы приняли власть Кол Адра, и правителям Союза этого вполне достаточно. Вряд ли они захотят тратить ресурсы и посылать флот, чтобы разобраться с твоей жалобой. Кол Адр далеко, а я близко. – По губам О'Релли скользнула жутковатая усмешка. – Может, мне в свою очередь стоит выяснить, как тебе удалось избежать смерти, когда измененные захватили

Аулию? Ускользнуть от них и выжить на просторах Селена, да еще с малолетним ребенком на руках – задача не из легких, верно, Герон? Каким образом ты вдруг очутился на борту корабля Союза? Чем ты завоевал такое доверие, что был назначен хранителем в Регул?

– Они подобрали меня в пустыне, – дрогнувшим голосом ответил Герон, – а уважение я завоевал своими знаниями!

– Откуда они у тебя? Я родился в Аулии и знаю наперечет всех, кто по праву рождения был посвящен в тайны древних технологий. Тебя не было среди избранных. Ты родился в кварталах черни, Герон, потому и защищаешь это отребье! – Нирон сел за стол и добавил, завершая свой монолог: – Можешь слать жалобы, я найду что ответить на них. А теперь ступай прочь!

* * *

Герон покинул здание цитадели, расположенной в центре огромной герметичной пещеры, когда воины уже разошлись по кварталам, откуда доносились вопли и стенания несчастных жителей.

Он был взбешен и напуган. Слова О'Релли расчетливо ударили в самую сокровенную, болезненную точку, и теперь Кая снедал уже не праведный гнев, а беспокойство за судьбу своей дочери.

«Неужели он что-то пронюхал? Нет. Вряд ли... – мыслен-

но попытался успокоить себя Герон. – Он может подозревать, но ничего не докажет... Никто не решится на открытое обвинение хранителя, этому воспротивится весь город, ибо...»

Здесь мысль Герона внезапно споткнулась об общеизвестный факт – Нирон О'Релли приходился сыном хранителю Солнечного Камня Аулии. Его отец погиб незадолго до нападения измененных, но О'Релли к тому времени уже был назначен наместником Регула и покинул город до роковых событий.

«Он может при желании просто убить меня, потому что знает, как управлять процессами получения воды и воздуха...» – Кай остановился, глядя, как стражники сгоняют к шлюзовым воротам нестройную толпу. Похоже, в попытке изменить судьбу этих несчастных он зашел слишком далеко...

Герон подумал об этом уже без страха, – в конце концов, он немало повидал на своем веку, и мужество не изменило ему. В неумолимой твердости О'Релли, без сомнения, тоже крылась какая-то тайна, возможно, не менее страшная, чем та, что многие годы носил в себе Кай Герон...

«Нужно, наконец, поговорить с Юной... – подумал хранитель, отводя взгляд от обширной площади, расположенной между цитаделью и шлюзовыми воротами. – Чем раньше она узнает правду о себе, тем легче будет ей смириться с этим знанием».

Нирон О'Релли по-прежнему стоял у окна, глядя на площадь, куда стражники сгоняли лишних людей Регула, как он называл этих несчастных минуту назад в разговоре с Героном.

Власть. Да, он обладал ею, но что она давала взамен? Сосущую, гложущую изнутри пустоту?

Причиной всему был страх. Однажды этот страх вошел в душу Нирона и более не покидал ее. Десять лет бесцельной, изнурительной ответственности, бремени забот, и все из-за того, что однажды он просто испугался, смалодушничал, приняв условия проклятого...

Зачем ему стоять над остальными, когда все – от обитателей трущоб до надменных жителей цитадели – вдыхают одинаковый воздух, питаются одними и теми же пищевыми концентратами, полученными из вонючей массы водорослей, произрастающих в гидропонических чанах?

«Проклятый Герон... – с раздражением подумал О'Релли. Вzbесился он, что ли? Зачем старик пришел требовать милосердия, как будто это была первая партия людей, отправляемых в Кол Адр? Почему он был так взволнован и настойчив?

Кругом одни проблемы и загадки, решать которые нет ни малейшего смысла...» – С этой мыслью Нирон отошел от окна. В такие минуты ему хотелось бросить все и выйти на площадь, смешаться с нестройной толпой перепуганных людей,

разделить их участь, хотя бы затем, чтобы сбросить с себя непосильное бремя бессмысленной власти, не приносящей ничего, кроме ожесточения и ненависти к тем, за чьи жизни он отвечает.

Конечно, Нирон понимал, что не сделает этого. Приступ гневной безысходности, вызванный неожиданным визитом Герона, пройдет, более того – О'Релли знал, что выйдет на балкон цитадели и будет говорить собравшимся внизу людям заученные слова о величии Кол Адра и счастливой судьбе, которая ожидает их после недолгой работы в реголитных копиях.

Вспышка раздражения не проходила. О'Релли чувствовал себя уязвленным, но истинной причиной его дискомфортного состояния была память, неосторожно разбуженная хранителем Солнечного Камня.

* * *

...Это произошло десять лет назад.

Нирон О'Релли никогда не относил себя к разряду храбрцов, не проявлял склонности к приключениям или авантюрам, но этой ночью был вынужден покинуть родной город и теперь медленно вел старый вездеход по древней, припорошенной реголитной пылью дороге.

Как и большинство механизмов, оставшихся в наследие от прошлого, транспортное средство О'Релли выглядело пре-

скверно: многочисленные вмятины покрывали утратившую глянец обшивку, секции солнечных батарей, расположенные в верхней части машины, частично выгорели, исчерпав ресурс фотоэлементов, частично же были разбиты, и лишь малая доля ромбовидных сегментов тускло отблескивала в холодном свете Владыки Ночи, выдавая свою функциональность.

Тихо жужжали электроприводы. Внутри утратившей герметичность кабины царил такой же холод, как снаружи, вдобавок тут ощущался каждый ухаб дороги, и от этого езда превращалась в сплошную муку.

Впрочем, Нирон уже не обращал внимания на дискомфорт. За истекший суточный цикл* вся его жизнь превратилась из плавного, предсказуемого и распланированного бытия в сплошной хаос непредвиденных обстоятельств.

Вездеход преодолел пологий спуск, и теперь его широкие ажурные колеса продавливали многометровую толщу вездесущего реголита, оставляя за собой глубокую колею, но Нирон даже не заметил, когда закончился участок древней дороги и началась зыбкая предательская равнина, – его сердце глодал ужас, а мысли в голове путались, прихотливо перемежаясь между событиями уже произошедшими и только предстоящими...

...

Все началось во время прошлого рассвета.

О'Релли унаследовал должность главного инженера горо-

да Аулия после кончины своего отца. В вопросах правопреемственности никто не решался оспаривать традиции темных веков, сформированные жестоким опытом борьбы за выживание. После постигшей Селен катастрофы прошли тысячелетия; практически все знания древней цивилизации были утеряны, а остаточное население планетоида сосредоточилось в городах-убежищах, выстроенных далекими предками в толще скальных массивов кольцевых гор.

От сложной техники великой цивилизации остались лишь одичавшие сервы, обитающие на мертвых просторах Селена, да наиболее бесхитростные механизмы, с помощью которых городским инженерам кое-как удавалось поддерживать нормальный температурный режим, да обеспечивать население водой и воздухом.

О'Релли учился инженерному делу с малолетства. Как только сыну исполнилось пять циклов, отец начал постепенно знакомить его с этими механизмами. Так было всегда из века в век, от поколения к поколению. В условиях Селена синонимом слова «власть» стал термин «знание», и никто не смел противиться этому, – самому тупоголовому из горожан было понятно, что без воздуха и воды он не проживет и дня, а значит, тот, кто владеет доступом к системам жизнеобеспечения и способен управлять ими, безраздельно правит городом.

Для сына главного инженера жизнь казалась простой и понятной. Он ясно представлял свое будущее, и даже прежде-

временная кончина отца, взвалившая на плечи молодого Нирона тяжкий груз повседневных проблем, не могла поколебать его уверенности в завтрашнем дне.

Он вступил в должность и прекрасно справлялся с ней, не желая для себя иной судьбы.

Все изменилось внезапно.

...Стояло раннее утро. Обжигающий диск звезды едва показался из-за иззубренных скал, но его лучи уже коснулись огромного, чистого, как слеза, Солнечного Камня, вмонтированного в куполообразный городской свод. Исполинский, тщательно отполированный кристалл кварца концентрировал энергию света и направлял ее вниз, в недра города, где в изолированных помещениях под воздействием высоких температур происходило таинство превращения вулканических пород в столь необходимые для жизни воздух и воду.

Нирон, вопреки правилам, не присутствовал при начале процесса, этим утром он покинул город, чтобы произвести ревизию реголитных копей – карьеров, где добывался так называемый «воздушный камень». О'Релли не удовлетворяла концентрация необходимых минералов в добываемой руде, и он решил, что наступила пора разведать новые месторождения, благо дно кратера представляло собой застывшее лавовое море и отыскать на его поверхности необходимый минерал было достаточно просто.

Нирон никогда не проявлял беспечности. Он знал, сколь опасны мертвые просторы Селена, как обманчива их кажущаяся

щаяся необитаемость, но Аулия уже давно не подвергалась набегам сервов или измененных. После образования Союза между расположенными в соседствующих кратерах поселениями его родной город оказался внутри своеобразного защитного кольца и постепенно превратился в негласную столицу целого региона. Отсюда в пограничные города уходили караваны, груженные воздушным камнем, в обмен на который торговцы получали ремесленные изделия и брикеты пищевых концентратов.

Страхи прошлого постепенно тускнели, отступали, теперь новости о жестоких атаках измененных или внезапных набегах одичавших сервов приходили в Аулию из далеких мест, и поэтому Нирон, собираясь в короткую экспедицию, справедливо полагал, что ему будет угрожать лишь невыносимая жара да хронический недостаток кислорода в разреженной атмосфере.

...Он ненадолго остановил машину, чтобы выйти и осмотреть причудливую глыбу горной породы, отколовшуюся и скатившуюся на дно кратера во время утреннего перепада температур, когда из глубокой тени навстречу О'Релли внезапно выступили трое измененных.

Столкновение оказалось столь неожиданным, что Нирон опешил, не успев даже подумать об оружии.

Пока он в полной прострации смотрел на измененных, те подошли вплотную и окружили его, не предпринимая никаких враждебных действий. Двое просто встали по бокам,

а третий остановился напротив, пытаясь рассмотреть лицо Нирона сквозь мягкую прозрачную лицевую маску защитного балахона.

Это было ужасно.

О'Релли еще тогда почувствовал — нельзя ждать от подобной встречи ничего, кроме смертельных неприятностей. Пусть они не накинудись и не убили его, но чем еще может закончиться встреча с проклятыми обитателями мертвых равнин?

Нирон впервые видел измененных воочию, до этого момента ему приходилось лишь слышать о них, но теперь он вполне понимал, почему зрелые, закаленные воины так люто ненавидели проклятых, отчего в скупых рассказах опытных бойцов периодически проскальзывал ужас: стоило взглянуть на мужчину, стоящего в глубокой тени скалы, как приходило мгновенное понимание — перед тобой уже не человек, а нечто иное...

Нирону было невыносимо страшно смотреть на рослого мужчину, понимая, что тот ничем не защищен от смертоносной внешней среды Селена. Весь гардероб измененного состоял из высоких стоптанных сапог, узких бриджей и потрепанной куртки, перепоясанной широким ремнем, отягченным многочисленными креплениями для оружия. На нем не было ни дыхательной маски, ни многослойного термоизолирующего балахона, — жуткий незнакомец стоял на покрытом инеем реголите и спокойно вдыхал разреженный воздух Се-

лена.

Колени Нирона вдруг начали предательски дрожать.

Он никогда не думал, что ужас может быть столь глубоким, всеобъемлющим, парализующим не только волю, но и саму способность мыслить. О сопротивлении речи не шло, – он стоял скованный ужасом, будто ему разорвали защитный балахон, и ледяное дыхание черной как смоль тени уже превратило его мышцы в хрупкое стекло...

Однако измененного не заботили такие мелочи, как смертельные перепады температур. Солнце уже взошло достаточно высоко, и дно кратера, разогретое его лучами, начало куриться желтоватыми испарениями, но там, где лежала тень, все еще стыл губительный ночной холод, разреженный, отравленный воздух змеился на границе света и тьмы, а он, глядя на остолбеневшего Нирона, лишь криво усмехнулся, нарушив наконец гробовую тишину внезапной встречи короткой утверждающей фразой:

– Ты инженер Аулии, верно?

Разреженный воздух Селена и плотные защитные одежды О'Релли превратили голос измененного в едва различимый шепот.

Сердце Нирона глухо стучало в груди, болезненные удары пульса отдавались в ушах сильнее и громче, чем услышанная фраза, он понимал, нужно что-то ответить, но во рту пересохло, мускулы одеревенели от напряжения, а взгляд будто примерз к изуродованному двумя шрамами лицу изменен-

ного.

Страшный ртутный блеск металлизированной проказы таился в глубине бледных бескровных рубцов. Участки кожи вызывающе поблескивали, низводя рассудок О'Релли до состояния животного ужаса перед стоявшим напротив существом.

– Не трясись. Мы не прикоснемся к тебе, – долетел до слуха Нирона глухой бас. – Мне понятен твой ужас, но у меня нет ни времени, ни желания ждать, пока он пройдет. Либо ты найдешь в себе силы говорить со мной, либо городу потребуется новый хранитель Солнечного Камня.

Нирон, сотрясаясь всем телом, кивнул.

– Ладно. Перейдем к существу вопроса. Ты не станешь возражать против небольшой взаимовыгодной сделки? – Измененный вновь криво усмехнулся, не отводя пронзительного взгляда от побледневшего лица Нирона. – Или тебе все же предпочтительнее сдохнуть? – Он вопросительно приподнял бровь.

– Чего вы от меня хотите?.. – хриплым неузнаваемым голосом пробормотал О'Релли, чувствуя, что жуть понемногу отступает, возвращая способность мыслить здраво. Его действительно не собирались убивать, более того, по какой-то неведомой причине он был нужен проклятым...

– Я же сказал – речь идет о сделке, – повторил измененный. – Ты молод и, надеюсь, честолюбив?

Нирон лишь судорожно пожал плечами. О каком често-

любии может сейчас идти речь?

– Меня все в жизни устраивает, – ответил он.

– Жаль. Мне думалось, ты метишь выше, О'Релли. Твой отец, например, всегда мечтал стать наместником Регула.

– Откуда... Откуда вы знаете, о чем мечтал мой отец?!

– Измененными не рождаются. Ими становятся, – с ледяной назидательностью произнес проклятый. – Когда-то я жил в Аулии и хорошо помню тебя, Нирон, только в те времена ты был еще совсем маленьким. Мое имя Гебес, хотя вряд ли твоя память сохранила мой образ. Когда-то мы были дружны с твоим отцом... До тех пор, пока со мной не случилось вот это, – он поднял руку, коснувшись пальцами уродливых металлизированных шрамов на левой щеке.

– Ты был другом моего отца?

– Да. И О'Релли никогда не скрывал своих амбиций. Мне казалось, что сын должен унаследовать хоть каплю стремлений родителя. Ты ведь знаешь закон союза городов? Если на периферии погибает наместник, то его место занимает инженер, но существует ситуация, когда могут погибнуть оба высокопоставленных лица, и в таком случае новым правителем осиротевшего поселения становится представитель Аулии.

Нирон ощутил, как кровь с жаром прилила к лицу.

Резкая смена ощущений, порожденная неуправляемым скачком мыслей от безысходного предчувствия неизбежной смерти к туманным перспективам безграничной власти, подействовала на него, словно оглушающий удар.

– Я не задумывался над этим... – справившись с собой, выдавил О'Релли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.